

Джафар и Джан

Источник текста: "Джафар и Джан": Жазушы; Алма-Ата; 1966
OCR & Spellcheck -- computers, г. Алматы

Я сказал это и ушел, а повесть осталась...

Низами.

Слушайте, правоверные, правдивую повесть о том, что случилось в царствование многомудрого халифа Гарун ар-Рашида, которого нечестивые франки именуют аль-Рашидом, -- да ниспошлет ему Аллах в райских садах тысячу гурий, кафтаны из лунного света и мечи, сверкающие, как река Шат-эль-Араб в июльский полдень.

И вы, гяуры[1] слушайте, пока вы еще попираете землю и не заточены в пещеры преисподней, где определено вам томиться в ожидании последнего суда.

Двадцать глав будет в сем сказании, и каждая из них повествует о вещах весьма удивительных, которые во времена Гарун ар-Рашида, повелителя премудрого и правосудного, случались так же часто, как часты таифские розы в садах Багдада и весенние бури в сердцах девушек.

1

Непутевый народ -- поэты, не все, правда, по многие... Позабыв наказ пророка, пьют вино, развратничают всемерно, издеваются над людьми и друг над другом, а порой и о самом Аллахе всемогущем такое пишут, что и повторить страшно.

Ибн-Мюназир[2] сочинял хорошие стихи. Абан Лахыкой -- тоже, но друг друга они терпеть не могли. Однажды Ибн-Мюназир так ославил Абана в своей сатире, что и добропорядочным мужчинам читать ее было негоже, а девушкам и подавно... Читать-то в те времена почти никто из девиц, даже весьма знатных, не умел, но послушать тайком непристойные сказки и стихи охотниц было много. И во дворцах такое случалось...

Однажды шестнадцатилетняя принцесса Джан, знавшая грамоте, у себя в комнате читала подругам Ибн-Мюназира. Сатиры не докончила. Бросила на курси[3] лист шелковистой бумаги и, ухватившись тонкими пальцами за край дивана, затряслась от неудержимого смеха. На ее черных глазах выступили веселые слезы.

-- Ой, не могу, не могу... Прямо умереть можно...

Трех слушательниц тоже душил смех. Толстушка Фатима, дочь торговца сафьяном, сползла от хохота на ковер. Дочь адмирала Ибн-Табана, высокая худощавая Зара, визжала и била в ладоши так громко, что в дальнем углу комнаты индийский попугай завозился в своей бронзовой клетке и закричал хриплым, птичье -- человеческим голосом:

-- Бисмиллах... Бисмиллах...[4]

Озорница Зюлейка, дочь кади[5], расходилась пуще всех. Лежа на спине, задрала загорелые ноги и дрыгала ими так, точно ей прижгли седалище красным перцем. На золотых ножных браслетах шалуньи вспыхивали и гасли зеленые огоньки изумрудов. Забыла проказливая девушка суру Корана: "...они не должны ударять ногою об ногу, так, чтобы через то не открывались закрываемые ими прелести". Прелести открылись полностью, ибо при халифе Гарун аль-Рашиде -- да ниспошлет Аллах его душе прелести райские -- при халифе Гарун аль-Рашиде только персиянки носили шаровары, а все четыре девушки были арабками. К тому же сидели они в одних рубашках из египетского полотна, столь прозрачного, что человек с плохим зрением подумал бы, что на подругах вообще ничего нет.

Жарки летние вечера в Багдаде, а в городе Анахе, на самом краю Сирийской пустыни, они еще

А